

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.161.1

DOI 10.5281/zenodo.17018962

Савицкий В. М.

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Блюхера, 25, Самара, Самарская область, Россия, 443090. E-mail: lampasha90@mail.ru.

О компрессии информации в языке

Аннотация. Язык рассматривается в статье в аспекте выполнения кумулятивной функции. В фокусе внимания находится один из способов выполнения этой функции, а именно компрессия знаний о мире, которая осуществляется с помощью спуска языковых единиц по уровням языковой иерархии. В статье показано, что единицы каждого уровня языковой иерархии образуют не классы, а типы и что существуют межуровневые зоны, в которых располагаются единицы, обладающие типологическими свойствами двух уровней – выше- и нижележащего. Границы между этими уровнями размыты. Иерархия языковых уровней носит скорее континуальный, нежели дискретный характер. Языковые единицы проявляют тенденцию к регрессии по уровням иерархии, что приводит к компрессии информации в языке. Исследование проведено на материале русского, английского и французского языков.

Ключевые слова: кумулятивная функция языка, иерархия языковых уровней, лингвистический статус языковой единицы, фраземо-лексема, лексема-морфема, морфемо-фонема.

Savitsky V. M.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Philology & Cross-cultural Communication Dept., Samara State University of Social Sciences and Education, 25 Blücher Street, Samara, Samara region, Russia, 443090. E-mail: lampasha90@mail.ru.

On information compression in natural language

Abstract. Natural language is viewed in the article in the aspect of performing the cumulative function. The author focuses on one of the ways of performing the function, namely, compression of knowledge about the world, carried out by language units' descent through the levels of language hierarchy. The author shows that the units of each level form types rather than classes and that there are interlevel zones where units with typological properties of two levels – upper and lower – are located. The boundaries between the levels are blurred. The hierarchy of levels is

rather continuous than discrete. Language units show the downward trend, i.e. the tendency to descend through the hierarchy levels, which leads to compression of information in language. The study is based on Russian, English, and French language material.

Key words: natural language cumulative function, language levels hierarchy, language unit linguistic status, phraseme-lexeme, lexeme-morpheme, morpheme-phoneme.

Способы, которыми язык выполняет кумулятивную функцию, являются предметом широкого обсуждения в лингвистической литературе. Названной теме посвящены труды Ж. Б. Байтелиевой [1], Е. Г. Беляевской [2], Н. Н. Болдырева [3], Е. В. Савицкой [4], Н. И. Хлебович [7] и многих других лингвистов. В нашей статье рассматривается такой способ, как компрессия знаний о мире, проводимая путем регрессии языковых единиц по уровням языковой иерархии.

Обратимся к фактам.

Между синтаксическими и словообразовательными структурами нет резко очерченной границы. Сложные и сложнопроизводные слова под определенным углом зрения предстают как итог свертывания и компактизации предложений и словосочетаний: *солнцепёк* (< *солнце печёт*), *зверобой* (< *зверя бьёт*), *чернослив* (< *чёрная слива*), *небожитель* (< *на небе живет*), *зимородок* (< *зимой родит*), *долгострой* (< *долго строится*). В таких словах между морфемами сохраняются те же семантические отношения, что и между словами в исходных единицах, обладающих раздельнооформленностью: агентивное (*солнцепёк*), пациентивное (*зверобой*), атрибутивное (*чернослив*), локативное (*небожитель*), темпоративное (*зимородок*), а также отношение действия и его качества (*долгострой*). Это внутрисловные аналоги синтаксических функций – подлежащего, дополнения, определения, обстоятельств места, времени и образа действия.

Л. В. Сахарный верно отметил: «Синтаксичность словообразовательных процессов есть универсальное, фундаментальное свойство, определяющее характер и типологию словообразовательных процессов и, в конечном счете,

структуру производных слов. Новое производное слово всегда соотносимо с синонимичным ему словосочетанием, отражающим его внутреннюю форму ... Процесс образования такого слова естественно рассматривать как преобразование некоторого словосочетания в слово» [5, с. 163]. Наши наблюдения подтверждают этот тезис. Фактически словообразовательные структуры представляют собой спрессованные и упрощенные синтаксические структуры с опущением служебных элементов – предлогов, союзов и срединных флексий. Отсюда происходит один из критериев различения аппозитивных словосочетаний и сложных слов: если имеется срединная флексия (*жуком-короедом*, *заводом-автоматом*, *слесарем-сантехником*), перед нами аппозитивное словосочетание, а если ее нет (*штык-ножом*, *пистолет-пулеметом*, *генерал-майором*), перед нами сложное слово.

Вышеупомянутое опущение служебных элементов (упрощение структуры единиц) порой ведет к снижению семантической мотивированности лексических значений, к повышению их конвенциональности. Например, в слове *бензовоз* формально не выражено семантическое отношение между морфемами, что ведет к семантической амбивалентности его внутренней формы:

– то ли слово *бензовоз* обозначает транспортное средство на бензиновой тяге (ср. *паровоз* / *электровоз* – на паровой / электрической тяге);

– то ли оно обозначает транспортное средство для возки бензина (ср. *молоковоз* / *хлебовоз* – для возки молока / хлеба);

– то ли оно обозначает человека, возящего бензин (ср. *водовоз* / *дрововоз* – человек, возящий воду / дрова).

Реальным значением слова *бензовоз* является второй из вышеперечисленных вариантов. Его выбор в качестве значения этого слова носит конвенциональный характер. С тем же успехом мог быть выбран любой из оставшихся вариантов. Некоторые подобные слова двузначны; так, слова *солевоз* и *углевоз*, по данным толкового словаря, обозначают как транспорт для возки, так и человека-возчика.

Как известно, невыводимость / неполная выводимость общего значения единицы языка из суммы значений ее компонентов зовется идиоматичностью (полной или частичной). Слово *бензовоз* обладает частичной идиоматичностью вследствие амбивалентности своей внутренней формы.

Что касается **английского** языка с его обилием непроемных (корневых) слов, которые внешне не отличаются от морфем, в этом языке различие между синтаксической и словообразовательной структурами порой снижается до нуля. Так, английское название морской чайки в разных толковых словарях имеет разное написание: *sea gull* / *sea-gull* / *seagull*. Что это – словосочетание или слово? А его компоненты – слова или морфемы? Не срабатывает ни критерий слитности / раздельности написания, ни критерий схемы ударения: схема «сильное + слабое ударение» [ˈsiːgʌl] присуща как субстантивному биному (словосочетаниям), так и сложным существительным (словам).

Единиц с неопределенной уровневой принадлежностью в английском языке много: *air line* / *airline*; *gas mask* / *gasmask*; *mail box* / *mailbox*; *bee hive* / *beehive*; *tea pot* / *teapot*; *war ship* / *warship* и т.п. Они находятся на стадии превращения словосочетаний в слова. Некоторые из них уже стали словами. Так, например, языковые единицы *bluebell* «цветок колокольчик», *greyhound* «борзая собака», *seaman* «моряк» окончательно лексикализировались. Произошел спуск на более низкий уровень языковой иерархии.

Дальнейшая стадия сжатия языковых единиц под воздействием закона языко-

вой экономии – фонетическое стяжение (*spiced ham* → *spam*), усечение (*ecological policy* → *ecopolicy*), телескопия (*feminine seminar* → *feminar*), акронимия (*absent without leave* → *AWOL* [ˈeɪwɔːl]), побуквенная аббревиация (*Federal Bureau of Investigation* → *FBI*). Содержание всё больше «утрамбовывается», время коммуникации сокращается, пропускная способность канала связи растёт.

Обратимся далее к языковым образованиям типа англ. *Wild Wester*. Если бы это было словосочетание, то по стандартному правилу сложения значений оно означало бы «дикий житель Запада». Но в действительности оно означает «житель Дикого Запада». Можно сделать вывод: суффикс *-er* присоединен не ко второму компоненту *West*, а ко всей языковой единице *Wild West* целиком: (*Wild West*)*er*. Получается, что, несмотря на раздельное написание, перед нами скорее сложнопроизводное слово, нежели словосочетание. Оформляя словосочетание целиком, суффикс «цементирует» его в слово. То же можно сказать о единицах (*baby boom*)*er* «ребенок, родившийся в период демографического взрыва»; (*black listing*) «занесение в черный список»; (*trade union*)*ism* «профсоюзное движение»; (*water polo*)*ist* «ватерполист» и т. п.

В качестве «цементирующего средства» может выступать не только суффикс, но и префикс, например: *ex-(movie star)* «бывшая кинозвезда»; *counter(orange revolution) activity* «противодействие оранжевым революциям»; *pre-(World War I) policy* «политика, проводившаяся до I Мировой войны». Ф. Палмер [8] относил такие единицы к числу аналитических лексем.

В русском языке оформление словосочетания суффиксом превращает его в цельнооформленную единицу (слово): *с ног шишать* → (сногшиша)тельный; *ума лишить* → (умалишен)ный; *с ума сойти* → (сумасшед)ший; *с ума сбросить* → (сумасброд)ный; *не в моготу (могота устар. «сила, мощь»)* → *невмоготу* и т.п. Это удивительные гибриды синтаксических и словообразовательных структур –

слова, внутри которых имеется синтаксическая конструкция. Такие языковые образования немного напоминают инкорпоративные комплексы палеоазиатских языков.

Словосочетания и предложения, свёрнутые в слова, обретают свойства слов. Например:

Англ. He accepted the status of *an also-ran* without resentment – Он принял статус неудачника без обиды (пример из толкового словаря). *Also-ran* (букв. «тоже бежал», перен. «тот, кто не добился успеха») имеет признаки словности – выполнение функции дополнения, наличие артикля и дефисное написание.

Франц. L'immortalité de l'homme est *un écoute-s'il-pleut* – Бессмертие человека – иллюзия (В. Гюго. Отверженные). *Écoute-s'il-pleut* (букв. «прислушайся, не идет ли дождь», перен. «нечто призрачное, неуловимое») имеет признаки словности – выполнение функции предикатива, наличие артикля и дефисное написание.

Рус. Будет ещё какая-то размалёванная *прости-господи* обижать мою подругу! (И. Иванова. Невеста опального принца). *Прости-господи* имеет признаки словности – выполнение функции подлежащего, снабженность определением и дефисное написание.

К этому же роду явлений относятся так называемые цепные определения (англ. chain attributes) – окказиональные слова, возникающие в английской речи в результате свертывания предложений. Приведем примеры.

They were watching a brand-new television, a *welcome-home-for-the-summer* present for Dudley – *букв.* Они смотрели новенький телевизор, *добро пожаловать-на-лето* подарок для Дадли (Дж. Роулинг. Гарри Поттер и узник Азкабана).

They had a *get-lost-or-I'll-smash-your-brains* look about them – *букв.* У них был *пошел-вон-а-то-мозги-вышибу* вид (Л. Доусон. Смертельный выбор).

Некоторые английские слова такого рода стали узуальными, например: a *don't-touch-me* girl (недотрога, букв. *не тронь-меня* девушка), a *forget-me-not* flower (незабудка, букв. *не-забуди-меня* цветок), a *do-it-yourself* set (игрушечный набор-конструктор, букв. *сделай-сам* набор), a *whodunit* book «произведение детективного жанра» (букв. *кто-сделал-это* книга), *Mr. Whatshisname* «господин имярек» (букв. мистер *Как-там-его-зовут*).

Все эти явления наводят на мысль о размытости границ между уровнями языка, о существовании межуровневых единиц – то ли словосочетаний, то ли слов и, соответственно, то ли слов, то ли морфем. Возникает догадка: иерархия языковых уровней носит скорее континуальный, чем дискретный характер. Уровни языка плавно переходят друг в друга (визуальной иллюстрацией здесь могут служить многослойный коктейль или же радужный спектр, которые характеризуются взаимной диффузией слоёв). Между уровнями языка имеются буферные зоны, заполненные гибридными единицами – фраземо-лексемами, лексемо-морфемами, морфемо-фонемами (это *не* то же самое, что морфемы в концепции Н.С. Трубецкого [6]).

На наш взгляд, распределение единиц по уровням языковой иерархии носит не классификационный, а типологический характер. Классы представляют собой непересекающиеся, а типы – пересекающиеся по объёму таксоны. Так, например, нельзя быть частично птицей, частично рыбой (это классы животных), но можно быть частично холериком, частично сангвиником (это типы темперамента). Совокупности языковых единиц того или иного уровня иерархии – это, по нашим представлениям, не классы, а типы.

Это подтверждается тем, что некоторые языковые единицы обладают типологическими свойствами как вышележащего, так и нижележащего уровня. Таковы, например, полные идиомы и их компо-

ненты. В порядке иллюстрации рассмотрим английскую идиому *white elephant* (букв. «белый слон», перен. «обуза»). Она имеет типологические свойства словосочетания (схему ударения, характерную для словосочетаний, и раздельнооформленность) и типологические свойства слова (глобальность номинации, непроницаемость, синтаксическую нетрансформируемость, выполнение синтаксической функции одного, а не двух членов предложения). В свою очередь, компоненты этой идиомы обладают типологическими свойствами слов (словным написанием, а также собственным сильным ударением) и типологическими свойствами морфем (отсутствием самостоятельной номинативной и самостоятельной синтаксической функции).

Такие «гибридные» языковые единицы, обладающие свойствами двух уровней иерархии, располагаются в межуровневом пространстве: одни из них – ближе к верхнему уровню (если преобладают признаки верхнего уровня), другие – ближе к нижнему (если преобладают признаки нижнего уровня), а третьи – посередине между уровнями (если тех и других признаков насчитывается примерно поровну). В итоге границы между уровнями оказываются размытыми; переход от уровня к уровню носит континуальный, а не дискретный характер.

Языковые единицы проявляют тенденцию спускаться на нижележащие уровни. На наш взгляд, это связано с тем, что в ходе познания мира происходит компрессия информации в лингвистическом пространстве. Новые результаты когниции выражаются сначала обширными произведениями речи – текстами, содержащими теории; впоследствии эти тексты сжимаются до компендиумов, дайджестов, гипертекстов (комплексов энциклопедических статей с перекрестными ссылками); затем они пакуются в терминосистемы. Предложения ужимаются до словосочетаний, а словосочетания – до слов и аббревиатур. И вот уже очередное знание о мире компактно «утрамбовалось» в лексическом фонде

языка, вошло в базовую копилку знаний языкового коллектива. Мегасинтагма речи свертывается в мегапарадигму языка. Язык с лингвокогнитивной точки зрения представляет собой кристаллизованную речемысль. Каждое следующее поколение людей в онтогенезе речи получает больше сведений о мире, чем предыдущее поколение, и притом это более современные сведения.

В языке наблюдается тенденция к регрессии его единиц по уровням иерархии. Они порой «проваливаются» на более низкие уровни, обретая статус единиц предыдущего уровня. Предложения и словосочетания лексикализируются: *не тронь меня* → *не-тронь-меня* (вид мимозы), *мать и мачеха* → *мать-и-мачеха* (растение семейства астровых). Слова морфемизируются: *из-под тишка* (*тишок* устар. «подворотня») → *исподтишка*. Порой даже морфемы фонемизируются, как, например, в русском глаголе *вынуть*. От корня *-(н)им-* (ср. *вынимать*) осталась только протеза *-н-*, которая слилась с суффиксом *-ну-* и сохранила лишь смысловоразличительную функцию, присущую фонемам (*вынуть* :: *выДуть*).

Обратный процесс – подъем языковых единиц на более высокий уровень иерархии – происходит лишь окказионально, в форме разложения единиц на части в рамках игры слов, например:

Англ. *Seymour* «Симор» (имя) → *see more* «увидеть больше» (Дж. Д. Сэлинджер. Хорошо ловится рыбка-бананка); *comfortable* «удобный» → *come for table* «проходите к столу»; *abominable* «невкусно» → *a bomb in a bull* «бомба в быке» (из шуточной истории о том, как во время корриды террорист бросил на арену бомбу, но она не взорвалась. Бык недолго думая проглотил ее. Весь стадион воскликнул: «A bomb in a bull – бомба в быке!», что можно понять и как «Abominable – невкусно!»).

Франц. *anglais* «англичанин» → *angle laid* «установленный угол»; *citron* «лимон» → *six troncs* «шесть стволов»; *cétacés* «китообразные» → *c'est assez*, «этого хватит» (из сборника каламбуров).

Рус. *Наполеон* → *на поле он*; *Багратион* → *бог рати он* (Г. Р. Державин. На Багратиона); *гаджеты* → *гад же ты*.

Такой подъем не носит регулярного характера и существует лишь в порядке исключения. Основной тенденцией остается спуск. В вышеупомянутом «многослойном коктейле» (языковом пространстве) частицы выпадают в осадок. Этот осадок составляет фундамент знаний о мире. Каждое следующее поколение, осваивая родной язык, стартует с более высокого, чем предыдущее поколение, когнитивного фундамента, который слу-

жит в качестве трамплина в онтогенезе речи. В ходе освоения родного языка, при семантизации того или иного слова ребенка, как отмечалось, получает больший исходный пакет информации, чем в прежние времена. Можно, например, сравнить изначальное смысловое наполнение слова *телефон* в языковом сознании ребенка в наше время и полвека тому назад.

Таков, по нашим представлениям, один из механизмов кумуляции знаний о мире в естественном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтелиева Ж.Д. Кумулятивная функция языка в формировании культуроведческой компетенции // Тілтаным. Журнал Ін-та лінгвістики ім. А. Байтурсьнулы Республіки Казахстан. 2022. № 185 (1). С. 15-26.
2. Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 13 (752). С. 9-17.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: Сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т лингвистики РАН; Тамбов: Издательский дом Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2014. С. 20-28.
4. Савицкая Е.В. Проблема кумулятивной функции языка // Е.В. Савицкая. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления. Самара: Порто-принт, 2021. С. 25-37.
5. Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке: Сб. науч. тр. / глав. ред. Л.Н. Мурзин. – Пермь: изд-во Пермского гос. ун-та, 1977. С. 27-37.
6. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: URSS, 2012. 336 с.
7. Хлебович Н.И. Реализация кумулятивной функции языка в условиях формирования духовно-нравственной культуры личности // Человек и образование. Научный журнал. 2010. № 3 (24). С. 23-27.
8. Palmer F.R. Grammar. Penguin Books, 1984. 210 pp.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bajtelieva Zh.D. Kumuljativnaja funkcija jazyka v formirovanii kul'turovedcheskoj kompetencii // Tiltanym. Zhurnal In-ta jazykoznanija im. A. Bajtursynuly Respubliki Kazahstan. 2022. № 185 (1). S. 15-26.
2. Beljaevskaja E.G. Interpretacija znaniy o mire v jazyke i ee osnovnye tipy // Vestnik MGLU. 2016. Vyp. 13 (752). S. 9-17.
3. Boldyrev N.N. Interpretacija mira i znaniy o mire v jazyke // Kognitivnye issledovaniya jazyka. Vyp. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovoj interpretacii mira: Sb. nauch. tr. / otv. red. N.N. Boldyrev. M.: In-t jazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom Tambovskogo gos. un-ta im. G.R. Derzhavina, 2014. S. 20-28.
4. Savickaja E.V. Problema kumuljativnoj funkcii jazyka // E.V. Savickaja. Kognitivnyj substrat semanticheskoj sistemy anglijskogo jazyka i anglijskogo jazykovogo myshlenija. Samara: Porto-print, 2021. S. 25-37.

5. Saharnyj L.V. Struktura slova-univerba i kontekst // Slovoobrazovanie i semantiko-sintaksicheskie processy v jazyke: Sb. nauch. tr. / glav. red. L.N. Murzin. – Perm': izd-vo Permskogo gos. un-ta, 1977. S. 27-37.
6. Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii. M.: URSS, 2012. 336 s.
7. Hlebovich N.I. Realizacija kumuljativnoj funkcii jazyka v uslovijah formirovanija duhovno-nravstvennoj kul'tury lichnosti // Chelovek i obrazovanie. Nauchnyj zhurnal. 2010. № 3 (24). S. 23-27.
8. Palmer F.R. Grammar. Penguin Books, 1984. 210 pp.

Поступила в редакцию: 30.06.2025.

Принята в печать: 05.09.2025.
